

СНЫ
ОБ УЭССЕКСЕ

Глава первая

Аэропорт Хитроу опять заминировали, и Джулия Стреттон, специально выбрав окружной путь, чтобы не застрять в вечных пробках на развязке возле трассы М3, в итоге два часа продиралась сквозь полицейские кордоны. Когда наконец она выехала на дорогу, оказалось, что время поджидает. Впрочем, опоздание было лишь на пользу, потому что она смогла выбросить из головы ненужные мысли про Пола Мэйсона и сосредоточиться на вождении. Джулия гнала с такой скоростью, что, наверное, нарушила все мыслимые правила дорожного движения, еще чуть-чуть, и за ней объявили бы погоню... однако это ее совершенно не заботило.

Близ Бейзингстока она свернула в сторону Солсбери. Серую долину заволокло туманом, вершины далеких гор укутались в низкие облака. Лето в Великобритании выдалось холодным и дождливым; поговаривали даже, что на йоркширском побережье выпал снег, а Корнуолл кое-где затопило. Впрочем, новости про погоду Джулию нынче интересовали мало, она даже немного удивилась пару дней назад, когда, жалуясь на холод, услышала, что на календаре вообще-то июль!

Миновав Солсбери, на полпути к Бландфорд-Форуму она притормозила у придорожного кафе, чтобы выпить чашечку кофе, — и только там, сидя за пластиковым столиком, дала волю чувствам.

Джулия думала, что никогда больше не встретится с Полом Мэйсоном — тем самым человеком, который причинил ей столько горя. И все же судьба внезапно их столкнула, причем не где-нибудь, а в Уэссекс-Хаусе!

Уэссекс-Хаус в выходные оказался местом на удивление мрачным и неуютным, Джулия вообще не должна была там появляться, она уехала в отпуск. Однако один из поверенных Уэссекского фонда, въедливый и колкий тип по фамилии Боннет, внезапно позвонил ей, когда она была на полпути в Дорчестер, и велел незамедлительно явиться в Лондон. Выяснилось, что из отпуска ее отозвали по существу пустяку, и когда Джулия, кипя от гнева, выходила из кабинета юрисконсульта, в коридоре вдруг столкнулась с Полом Мэйсоном.

Пол — и здесь, в Уэссекс-Хаусе! Что за попрание святых?! Это ведь не кто-то — а тот самый Пол, который шесть лет назад чуть не сломал ей жизнь и который должен был навсегда остаться в прошлом.

Джулия мешала кофе пластиковой ложечкой, от злости расплескивая бледно-коричневую жижу на блюде. Такое ощущение, будто Пол нарочно ее подстерег! Нет, он, разумеется, и сам удивился встрече, причем до того искусно, что сложно было заподозрить его в притворстве... *«Джулия! Ты что здесь делаешь? Славно выглядишь, похорошела!»* Еще бы не похорошела... А вот ты, Пол, остался прежним — пусть не красавцем, но таким же обходительным и любезным типом, как тот студент, в которого ее угораздило влюбиться на последнем курсе в Дареме. Несколько лет они вместе жили в Лондоне, Пол уверенно шагал по карьерной лестнице, а Джулия, невзирая на прекрасное образование, перебивалась с одной секретарской должности на другую. Затем они рассталась, и Джулия наконец обрела свободу — в то же самое время, как ни парадоксально, пытаясь побороть чувство ужасной зависимости.

Однако до сегодняшнего дня это все оставалось в прошлом...

Джулия глянула на часы. Как ни гнала — все насмарку, по-прежнему опаздывает. В пятницу она звонила в Мэйден-Касл, обещала доктору Элиоту быть в Дорчестере к обеду. А сейчас уже половина третьего. Может, позвонить еще раз, предупредить, что задерживается?.. Джулия огляделась, однако телефона-автомата нигде не заметила. Ладно, не важно, подождут. В крайнем случае сами позвонят в Уэссекс-Хаус, там скажут, что она недавно выехала.

Обычно к рабочим делам Джулия относилась с большим уважением. За нынешнее безразличие тоже надо благодарить Пола. Даже поразительно, как легко он до сих пор ломает размеренный ход ее жизни. Все время, что они жили вместе, Пол считал Джулию чем-то вроде своего придатка — всегда рядом, не требует лишнего внимания, но порой приносит пользу... И теперь, шесть лет спустя, Джулия кипела от одной мысли, что снова допускает подобное обращение.

Впрочем, злилась она прежде всего на саму себя. Джулия глядела на грязную столешницу, а видела Пола — то, как он щурился, не замечая ее якобы безразличия; в ушах опять звучали его слова, вроде спокойные, но с едва заметной насмешкой: мол, я-то знаю, как тебе без меня плохо... Казалось, он затеял старую «игру с секретами», как она называла тот последний, самый тяжелый год перед разрывом. Эта игра удавалась Полу особенно хорошо: он брал тайны, которые она сдуру ему доверила, и выворачивал их наизнанку, обращая против Джулии, чтобы ударить ее по больному месту и добиться своего. Вот и сегодня он вновь взялся за старое... Хотя сейчас у него ничего не вышло: он невольно выдал сексуальное влечение, и Джулия отве-

тила ему разительным ударом, продемонстрировав полное равнодушие. Единственный миг триумфа за сегодняшний день... Оттого становилось еще горше — ведь во всем прочем Пол побил ее в пух и прах.

От кофе, как и от воспоминаний, во рту оставался горький привкус. Пить захотелось еще сильнее, однако вторую чашку Джулия заказывать не стала. Только зашла на минутку в туалет и вернулась в автомобиль.

Пока она сидела в кафе, начался дождь, и Джулия, заведя машину, первым делом включила обогреватель. Из головы не шла встреча с Полом, и отчего-то, в порыве странного упрямства, Джулия не хотела ехать дальше — словно злилась не только на Пола, но и на работу. Она просто сидела и смотрела, как дождь струится по ветровому стеклу.

Интересно, что Пол вообще делал в Уэссекс-Хаусе. Единственный возможный вариант — он теперь там работает... Когда четыре года назад Джулия подавала заявку в фонд, то не могла отделаться от ощущения, что отныне это ее убежище; даже сегодня, с головой уйдя в работу, она порой ловила себя на этой мысли. Однако Пол нашел ее и здесь, случайно или намеренно... Надо будет спросить у доктора Элиота; может, он что-нибудь знает? Элиот не задает лишних вопросов, ему не придется ничего объяснять...

Слава богу, пора возвращаться в Дорчестер. Даже если Пол и работает теперь в фонде, там он ее не найдет. В Дорчестер ему дорога закрыта, это самое надежное ее убежище: неприступное и крепкое.

Джулия тронулась в путь, хоть по-прежнему злилась на саму себя: зря она позволила Полу разрушить налаженную жизнь.

За три мили до Бландфорд-Форума Джулия достала свой пропуск и пристроилась в конец очереди на кон-

трольно-пропускном пункте. Досмотр в этих местах был делом обычным, тем более что на документах Джулии стояла правительственная печать и сама машина давно примелькалась военным. Однако ее все равно задержали минут на десять.

Казалось бы, что террористам делать в захолустье? Пусть даже на Солсберийской равнине немало армейских баз, а до Бландфорд-Форума отсюда подать рукой; все равно — глушь глушью... Джулия стояла под дождем, пытаясь за бортом автомобиля хоть немного укрыться от летящих капель дождя. Да, в крупных городах взрывы теперь не редкость, но в сельской местности таких бед не знают. Бомба в Дорсете — это просто в голове не укладывается...

Джулии было холодно и неудобно. Два солдата проверили ее документы, обыскали в машине салон и багажник. За ними, и за ней заодно, внимательно следил офицер. На вид все трое — один моложе другого.

Потом, когда с обыском наконец покончили, уже по дороге в Дорчестер, Джулия отчего-то подумала о Дэвиде Хакмане. Некоторые участники Уэссекского эксперимента считали, что тот подался в военные, хотя, конечно же, никаких подтверждений эта теория не получила. Никто понятия не имел, где он на самом деле, и перед Джулией поставили задачу как можно быстрее его отыскать. Будучи в отпуске, она специально съездила в Лондон и поговорила с бывшей женой Хакмана, пытаясь хоть что-то узнать о его привычках. Встреча вышла не самой приятной — жена Хакмана даже сейчас, спустя семь лет после развода, изрядно обижалась на бывшего супруга.

Психологический портрет — единственная ниточка, за которую Джулия пока может уцепиться. Дэвид Хакман, преподаватель социальной истории, прежде,

до участия в Уэссекском эксперименте, работал в Лондонской школе экономики. Коллеги из ЛШЭ описывали его как человека самоуверенного, немного консервативного, властного, но не слишком амбициозного. Насчет самоуверенности Джулия только согласилась бы — при подготовке Уэссекского эксперимента Хакман не раз демонстрировал редкое упрямство, свои мысли и идеи превознося выше других. В общем, этот тип ей не очень-то нравился. Какая ирония судьбы, что именно Джулии поручили его отыскать... Бегать от одного мужчины, которого она терпеть не может, и искать другого, который ей совершенно безразличен!

И все же злость понемногу унималась. Джулия была рада вновь вернуться к любимой работе.

После Бландфорд-Форума она свернула на дорчестерскую дорогу. Едва машина взобралась на первый холм возле реки, как дождь прекратился. Небо сквозь лобовое стекло посветлело, но на юго-западе все равно висели низкие тучи. Истинно дорсетская погода: ветреная, мокрая и переменчивая.

Просидев за рулем столько часов, Джулия устала, приступать сегодня к работе совершенно не хотелось. Мешала и сумятица в голове — для дела надо быть спокойной и собранной, а она изводит себя мыслями о Поле. Проскочив через Дорчестер и свернув к югу, Джулия снова задумалась: с какой целью объявился ее бывший? Чувствовалась в нем некая тяга к разрушению, с самого начала, с первого дня их знакомства... Хотелось бы знать, что он опять затеял? И почему только она не спросила у него прямо, когда была такая возможность...

Ворота Мэйден-Касла уже закрыли, пришлось давить на клаксон. Наконец из деревянной будки выглянул мистер Уэнтворт. Узнав машину, он улыбнулся.

Проехав через ворота, Джулия вылезла из автомобиля и встала, поджидая Уэнтворта.

— Что ж так мало отдохнули, мисс Стреттон, все-го-то одну недельку?

— А мне больше и не надо, — отмахнулась она. — Мистер Уэнтворт, знаете, тут такое дело... У меня совсем не было времени заскочить в Бинкомб-Хаус. Вы не могли бы сами отвезти туда мои вещи?

Она вручила ему чемодан с одеждой и саквояж, где лежали книги. За время проекта Джулия уезжала в отпуск уже не впервые и отчего-то из Лондона всегда возвращалась не в самом радужном настроении. Лучше в следующий раз остаться в Дорсете; Бинкомб-Хаус большой, удобный, там у нее своя комната... К тому же в Бинкомбе можно видетсья с остальными участниками эксперимента, а значит, быть в курсе самых последних новостей.

— Автомобиль я нормально поставила?

Она оглядела длинную вереницу машин, припаркованных в три ряда. Часть из них была очень грязной: мыть их вменялось в обязанность Уэнтворту, однако тот занимался этим исключительно по приказу сверху.

— Оставляйте здесь, мисс Стреттон. Сам уберу, если кому вдруг помешает.

Джулия отдала ему ключи, Уэнтворт прикрепил к ним бумажный ярлычок, который выудил из кармана, а Джулия шагнула в сторону, взглядываясь в дальний угол парковки. Желтый ровер Дэвида Хакмана, уже два года как брошенный владельцем, стоял все на том же месте,

— Меня никто не спрашивал? — поинтересовалась Джулия.

— Доктор Тробриндж звонил недавно.

— И?..

— Велел передать, чтобы вы, как приедете, сразу шли к доктору Элиоту.

Джулия зашагала к дому, торопливо отведя от Уэнтворта взгляд. Было у нее одно суеверие, еще с самого детства: если посмотрит на кого-нибудь, думая, что видятся последний раз, — так оно и будет, словно она запрограммирует реальность. Вот и сейчас, поднимаясь по травянистому склону ближнего, самого низкого, земляного вала, Джулия краем глаза косила в сторону мистера Уэнтворта, чтобы потом не могла сказать наверняка, когда именно потеряла его из виду. Эти взгляды исподтишка, которыми она награждала людей при расставании, получались словно бы против ее воли. Пол называл эту привычку «хитрым прищуром»... Впрочем, ему-то Джулия рассказала бы, в чем дело, лишь в самую последнюю очередь.

Наконец она вскарабкалась на верхушку первого вала, окружавшего древнюю крепость на холме. Здесь, с северной стороны Мэйден-Касла, их было три штуки — один выше другого. В самом удобном месте давно протоптали дорожку — по ней-то и шла Джулия. Было холодно: тонкая городская одежда липла к телу, резкий ветер норовил забраться под юбку и растрепать волосы. Внизу, после первого вала, под защитой земляных стен, ветер немного утих, и Джулия, рассмеявшись, откинула волосы за спину. Крепость всегда будила в душах — случайных ли туристов, которые порой допускались сюда под присмотром экскурсовода, или участников Уэссекского эксперимента — чувство легкости. Древняя и нерушимая, своими покрытыми мхом стенами она бросала вызов времени вот уже пять тысяч лет — и простоит еще столько же, не меньше. Каждый раз, как Джулия возвращалась в Мэйден-Касл из Лондона, ее охватывала эйфория.

Сегодня, само собой, тоже, поэтому на второй вал она взлетела едва ли не бегом, задыхаясь на холодном ветру — даже не по тропинке, а напрямик по редкой жесткой траве.

Отсюда можно было заглянуть в провал между вторым и третьим валами, где находился вход в лаборатории. Никого; Джулию, видимо, еще не вышли встречать. Мистер Уэнтворт наверняка сообщил о ее прибытии Тробрриджу или Элиоту, но пара минут в запасе все же пока была.

Она положила свой портфель и огляделась. Вокруг — лишь небо, ветер, трава. И несколько чаек, паривших в воздушных волнах.

Внизу лежал Дорчестер. На пустоши за городом торчала радиовышка, вокруг сновали машины. Неподалеку, почти у самой станции, выжидающе застыл на семафоре поезд. А еще дальше, в волнах дорсетских холмов, виднелись Серн-Аббас, Чарминстер и Толпуддл. Джулия замерла, глядя на них — и утопая в воспоминаниях и образах из другого лета...

Неподалеку вал изгибался, оттуда можно было посмотреть на восток, поэтому Джулия подняла портфель и зашагала по верхушке земляной насыпи. Вскоре она дошла до того места, откуда открывался шикарный вид на всю долину: совершенно плоскую, распахнутую ветрам. По ней вилась речка, медленно неся грязные волны к Вэрхэму и гавани Пул. Земля Томаса Гарди: Эгдон Хит и Энглбери, Кастербридж и Будмот¹... Господи, когда она последний раз бралась за художественные книги — еще в школе, наверное?..

¹ Эгдон Хит, Энглбери, Кастербридж, Будмот — вымышленные районы Уэссекса из произведений Томаса Гарди. (*Здесь и далее примеч. перев.*)